

И.И. ШУРЫГИНА

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ОБ УСПЕХЕ И НАРКОМАНИИ *

Шурыгина Ирина Игоревна — научный сотрудник сектора изучения наркомании как формы девиантного поведения Института социологии РАН.

Адрес: 117259 Москва, ул. Кржижановского 24/35, стр.5. Факс: (095) 719-07-40. тел. 125-80-19.

* Статья основана на материалах проведенных в 1996 году исследований "Наркомания как форма девиантного поведения" и "Изменение социального статуса семьи и ее жизненные стратегии", грант Российского гуманитарного научного фонда № 96-03-04541.

До недавнего времени в России параллельно существовали (доминируя в разных странах) две модели успеха. В первой — "официально" признанной, успех отождествлялся с высшим образованием и с престижной, интересной и "интеллигентной" профессией. Во второй — не связывался ни с образованием, ни с социальным престижем и измерялся деньгами. Это была ценность, оппозиционная обществу, критерий успеха тех, кто вел "теневой" образ жизни. Разумеется, деньги и образование не исключали друг друга. Образование и профессионализм обеспечивали некоторый (чаще всего не очень высокий) уровень благосостояния, а большинство "денежных" профессий предполагало обладание навыками, приобретаемыми в рамках как минимум среднего специального образования. Но в сознании людей эти ценности не смешивались, воспринимались как отдельные, обособленные друг от друга. Примечательно, что даже сейчас, судя по данным опроса студентов в 1996 году, для молодых людей образование — это в первую очередь способ "вписаться" в общество, а деньги — условие личной независимости и от общества, и от семьи.

Рассмотрим связь между упомянутыми ценностями и употреблением наркотиков. Исследователи, изучавшие эту проблему, констатировали, что среди наркоманов в "доперестроечное" время преобладали те, у кого была сильная ориентация на материальное благополучие и низкая направленность на образование [1]. И деньги и наркотики давали возможность "уйти" от социума, отказаться от достижений в рамках общепринятой и официально признанной системы ценностей. Впрочем, образование как доминирующая ценность и единственный критерий успеха тоже могло дать толчок к употреблению наркотиков. Так случалось, если его по каким-либо причинам невозможно было получить, и человек считал, что потерпел в жизни полный крах. Приведем характерную историю (респондентка Л. — член группы "Анонимные наркоманы").

"Я родилась в достаточно благополучной семье — по крайней мере, благополучие было внешним, по советским меркам. Дед работал в министерстве, значит, он хорошо получал, хорошо обеспечивал семью. Отца я своего не знала, он жив, просто я выросла в семье с отчимом. Отчим был спокойный, без вредных привычек. Я хорошо училась, закончила экспериментальную школу при Академии педагогических наук. В семье меня ориентировали на то, чтобы непременно получить высшее образование. Ориентация шла так: будешь плохо учиться — дворником станешь. А дворник считался человеком второго сорта. Поэтому получить высшее образование, не важно какое, нужно обязательно".

В приведенном отрывке для нас важно то, что образование рассматривается как единственная мера ценности человека, причем речь идет не о выборе профессии, а именно об образовании в "чистом виде". Однако у рассказчицы в рамках этой модели были собственные предпочтения — она хотела стать врачом, поступить в медицинский институт.

"Но к тому времени дед умер, и не было блага, не было возможности как-то за меня похлопотать. Конкурс в медицинский институт очень большой, я испугалась, что не поступлю. Но высшее образование получить надо, хоть тресни. И я поступила в авиационный институт. Мне помог отчим, который там работал. Проучилась полтора месяца и бросила. Не мое это было совершенно, я это чувствовала. Пошла работать санитаркой в родильный дом. Работа была тяжелая, работала сутками, зарплата маленькая. Готовилась поступать в медицинский институт. Отработала примерно год, на вступительных не добрала до проходного всего один балл и не прошла по конкурсу. На этом я и сломалась. Раз не могу своими силами ничего добиться, значит,

ничего в жизни не стою. Пропадать, так с музыкой. На работе у меня была возможность... я начала там пробовать все, что изменяет сознание... Ту работу, которую я делала — судно вынести, полы вымыть — я считала для себя унижительной. И решила: пропадать, так с музыкой".

Таким образом, к заданной в семье модели успеха прибавляется и собственный жизненный опыт — без образования ты человек второго сорта, обречен на малооплачиваемую, тяжелую и унижительную работу. Однако, хотя в этом отрывке деньги упоминаются, главное — не маленькая зарплата, а то, что не удалось своими силами "добиться" высшего образования. Это равнозначно абсолютному поражению — с точки зрения респондентки она уже ничего не стоит. А раз так, сознательный выбор ею пути саморазрушения вполне логичен. В данном случае наркомания тождественна социальному самоубийству, причем предоставляемые женщине обществом альтернативные способы самоутверждения (успех у мужчин, семья) Л. даже не рассматривает.

Еще одна история. Респондент В. — также член группы "Анонимные наркоманы" — выходец из семьи типичных представителей советской интеллигенции (его родители — инженеры). В 14 лет снимался в кино, получал за это деньги. После школы поступил в институт.

"Первые заработанные мной деньги были по тем временам большими. Хотя как несовершеннолетний я их не получал, мама давала мне достаточно много. В институте мне необходимы были деньги, и я решил прибегнуть к таким способам их зарабатывать, которые по тем временам считались нечестными. У меня было много знакомых, занимавшихся скупкой валюты у иностранцев, и среди них ребята, которые курили траву. Я познакомился с людьми, которые ее привозят. Мне понравилось, это помогало общаться. Я не мог общаться с этими людьми в трезвом состоянии. Совершенно был не мой контингент. А здесь хоть что-то нас сближало — доставать траву, курить ее вместе". Затем респондент начал применять более сильные наркотики. "...Когда я пришел из армии, многие мои знакомые вкалывали себе наркотик внутривенно, ну, естественно, я сразу к ним присоединился. Так продолжалось, пока я не попал в тюрьму, меня судили за валютные операции. Присудили незначительный срок, мне повезло".

В отличие от первой истории, здесь отсутствует мотив неуспеха, более того, деятельность рассказчика была вполне успешной. "Выпадение" из общества у В. началось не с пристрастия к наркотикам, а с желания достать деньги. Именно это желание правомерно рассматривать как социальный суицид: человек входит в противоречие с законом, вынужден иметь дело с людьми, с которыми "трезвому" общаться невозможно, и может быть репрессирован обществом. О начале своей болезни В. рассказывает так: "К тому времени я в первый раз попробовал анашу. Тогда я не считал ее наркотиком, просто анаша меняла настроение. Мне нравилось это состояние ...". Если в истории с Л. речь идет о сознательном саморазрушении, то в данном случае — о неосознанном. Но при этом В. хорошо понимал, что, решив добывать деньги нечестным способом, становится в оппозицию к обществу. Он вполне сознательно выбрал тот образ жизни, который был связан с риском включения в потребление наркотиков.

В настоящее время и среди ученых, и в обыденном сознании довольно широкое распространение получило мнение, согласно которому в нынешних условиях "само по себе выживание есть успех" (под выживанием подразумевается успешная экономическая адаптация). В этом смысле показательно, что социологи, изучающие жизненные стратегии в современной России, как правило, рассматривают их именно как стратегии выживания [2, 3]. Однако воспринимать выживание как цель и успех для человека противоестественно (если только речь не идет об экстремальных и кратковременных ситуациях — война, революция, тюремное заключение и пр.) Обратимся к документальным материалам. В книге "Судьбы людей: Россия XX век" [4] собраны биографии семей, которые занимали относительно высокое социальное положение в дореволюционной России (тогдашний средний класс) и сумели восстановить при советской власти утраченный во время революции социальный статус. В основе восходящей социальной мобильности таких семей лежала идея успеха, связанного с образованием, а не идея выживания, хотя ситуация была для них крайне тяжелой: она угрожала не только социальному, но и физическому существованию. Семья же, чья жизненная стратегия основывалась на идее выживания, в результате не только утратила свои социальные позиции, но и полностью деградировала, несмотря на то, что ее не затронули репрессии и материальные условия были даже несколько лучше, чем у других.

По данным нашего опроса, среди молодых людей, приобщившихся к наркотикам начиная с 1992 года, большинство — дети родителей, сумевших вполне успешно экономически адаптироваться к новым условиям жизни: 48,3% респондентов этой группы

(мужчины, которые за исключением трех человек в момент опроса проходили курс лечения от наркотической зависимости в различных лечебных заведениях) отметили, что их родители состоятельны или богаты, и только 6,9% — что они живут в бедности или нуждаются. Несмотря на то, что болезнь респондентов очень сильно ограничивает их физические и социальные возможности, свое собственное материальное положение они также оценивают достаточно высоко (35,5% из них считают себя состоятельными или богатыми и только 9,7% — нищими, бедными или нуждающимися). Почти все из тех опрошенных наркоманов, кто еще сохранил способность работать, заняты в коммерческом секторе экономики, некоторые имеют собственное дело. И то, и другое многие исследователи рассматривают как восходящую социальную мобильность и проявление успешной экономической адаптации к современным условиям. Если это так, то, как свидетельствуют приведенные данные, вполне успешное "выживание" не служит гарантией от "выпадения" в наркоманию.

Сравним две категории наркоманов — опрошенных в 1989 году в Ульяновске и тех, кто начал принимать наркотики в 1992 году и позже. Главный вывод следующий.

Раньше наркоманами становились преимущественно изначальные социальные аутсайдеры — дети, родители которых имели низкий образовательный уровень, и сами не обладающие высоким образовательным статусом, с сильной ориентацией на деньги. Сейчас — это в основном отпрыски образованных родителей (у 54,8% или мать, или отец имеют высшее образование), достаточно успешно адаптировавшихся к новым экономическим условиям, сами способные "вписаться в рынок" при том, что их образовательный уровень крайне невысок и ориентация на деньги у них, как и у их предшественников, сильнее, чем на образование.

Доминирующая ориентация на деньги и социальное благополучие осталась неизменной, но поскольку изменилось представление об успехе, принципиально иной характер приняла его связь с наркоманией. Примечательно, что среди опрошенных в 1996 году практически не нашлось людей, оппозиционных по отношению к новым "рыночным" ценностям — ориентирующихся на образование в ущерб материальным благам.

Кроме того, нужно отметить, что на самом деле адаптация не является безусловным успехом, как это часто представляется. Анализ интервью, взятых в ходе исследования "Изменение социального статуса семьи и жизненные ориентации", свидетельствует: для большинства людей с высшим образованием, начавших свою профессиональную деятельность в "дореформенный" период (то есть для тех, к числу которых, вероятно, относится значительная часть родителей наркоманов, опрошенных в 1996 году), успех сейчас кажется недостижимым. Образование и деньги, выступавшие раньше в качестве критериев успеха в различных сферах, "смешались" и, с одной стороны, воспринимаются как одинаково значимые, а с другой — как несовместимые. Люди поставлены перед необходимостью выбирать между образованием (профессией) и деньгами, причем необходимость подобного выбора, как правило, уже обрекает на неуспех: выберешь деньги — утратишь социальные позиции, выберешь привлекающую тебя, но "ненадежную" профессию — окажешься бедным. Даже владелец собственного дела, вынужденный общаться с людьми не своего круга, вопреки распространенному мнению, не оценивает себя как человека, достигшего успеха. Поэтому успешное "выживание" вполне может субъективно восприниматься как неуспех, а иногда (если экономическая адаптация сопровождается утратой социального статуса) может положить начало и социальной деградации семьи.

К сожалению, на основании имеющихся эмпирических данных судить о том, каким образом это связано (и связано ли вообще) с потреблением наркотиков младшими членами семьи, нельзя. Автор может только сослаться на свои наблюдения, не проверенные статистически. Замечено, в частности, что направленность на деньги у детей родителей, ориентированных на образование как критерий успеха, нередко сопровождается различными девиациями. Причин тому много, в том числе плохие взаимоотношения в семье, побуждающие детей к неприятию стиля жизни родителей. Кроме того, можно предположить, что растерянность родителей, не способных выбрать мерило успеха, в несколько измененном виде наследуется их детьми, которые, с одной стороны, отказываются от образования как от устаревшей модели успеха, а с другой, не могут отождествлять последний только с деньгами. В этом случае характер связи между наркоманией и успехом остается таким же, каким был при социализме, а ретритизм являет собой следствие неизбежных в переходный период аномии.

На наш взгляд, в России сейчас распространены обе схемы связи между успехом и наркоманией: и когда отсутствие четких представлений об успехе обесценивает достигнутое и тем самым способствует "выпадению" из социума, и когда наивысшим достижением считается максимальная независимость от общества.

В заключение выскажем несколько соображений относительно роли семьи в потреблении наркотиков. Как известно, сфера частной жизни противопоставляется сфере социальной, более того, рассматривается как своего рода "убежище" от социума. "Уход" в семью для женщины нередко квалифицируется как желательный, но все-таки это тоже отказ от социальных достижений. Возможно, потому среди женщин-наркоманок значительна доля домохозяек — легальный и социально-одобряемый способ "ухода" дополняется и усиливается способом нелегальным и социально-неодобряемым.

Но хотя семья одобряет независимость от общества, "ценность семьи и ценность свободы явно приходят в противоречия, вряд ли осознаваемые" [5]. Между тем, как уже отмечалось, независимость, личная свобода занимают первое место в иерархии ценностей современных молодых людей. Поэтому семья с неизбежностью и притягивает и отталкивает, что может служить источником внутреннего напряжения, способствующего вовлечению в потребление наркотиков. Это подтверждают и данные нашего опроса наркоманов. Именно семейные обстоятельства побудили большинство из них (независимо от пола) впервые попробовать наркотик. В то же время, по признанию респондентов, главное для них в жизни — семья. Она, по сути дела, играет роль "утраченного рая" и, может быть, представляется альтернативой наркотикам — социально-приемлемой, с одной стороны, и позволяющей не менять принципиально своих взаимоотношений с обществом, с другой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Позднякова М.С. Социологический анализ наркомании. М.: ИС РАН, 1995. С. 36-37.
2. Воронков В.М., Фомин Э.А. Типологические критерии бедности // Социологический журнал. 1995. №2.
3. Быстрова А., Евдокимова Е., Игнатова С, Серебренникова А., Ермичева Г., Соловьева Н., Травин И. Стратегии выживания населения в изменившихся условиях // Мир России. 1995. № 2.
4. Судьбы людей: Россия XX век // Ред. В.Семенова и Е.Фатеева. М.: Изд-во МГУ, 1996.
5. Россия в зеркале реформ // Ред. Горшков М.К., Чепуренко А.Ю., Шереги Ф.Э. М.: РНИСиНП, 1995. С. 85-86.